

УДК 343.85

DOI 10.33463/2687-1238.2020.28(1-4).3.350-356

**КЛАВДИЯ КИРИЛЛОВНА ВАСИЛЬЕВА,**

академик РАЕН, доктор философских наук, профессор,  
ведущий научный сотрудник НИЦ-2, НИИ ФСИН России,  
г. Москва, Российская Федерация, ORCID 0000-0002-2808-9575,  
e-mail: [klavdiya5@yandex.ru](mailto:klavdiya5@yandex.ru);

**СЕРГЕЙ БОРИСОВИЧ ПОНОМАРЕВ,**

доктор медицинских наук, профессор,  
главный научный сотрудник филиала,  
НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация,  
e-mail: [docmedsb@mail.ru](mailto:docmedsb@mail.ru);

**ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ ПОНОМАРЕВ,**

кандидат технических наук, научный сотрудник филиала,  
НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация,  
e-mail: [ponomarev.dmitry1990@mail.ru](mailto:ponomarev.dmitry1990@mail.ru);

**ВЕРА ЕВГЕНЬЕВНА ПОЛИЩУК,**

старший научный сотрудник филиала, НИИ ФСИН России,  
г. Москва, Российская Федерация,  
e-mail: [filialniifsin@mail.ru](mailto:filialniifsin@mail.ru)

## КОНЦЕПЦИЯ ЧЕТЫРЕХЗВЕННОГО АЛГОРИТМА СТАНОВЛЕНИЯ И ЭВОЛЮЦИИ ТЮРЕМНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

### Для цитирования

Концепция четырехзвенного алгоритма становления и эволюции тюремной субкультуры: постановка проблемы / К. К. Васильева и др. // Человек: преступление и наказание. – 2020. – Т. 28(1–4), № 3. – С. 350–356. – DOI : 10.33463/2687-1238.2020.28(1-4).3.350-356.

**Аннотация.** В статье актуализируется проблема интеллектуального осмысления не только сущности тюремной субкультуры, ее эволюции и форм проявления, но и ее природы. Анализ исследовательской литературы, проблем российской тюремной субкультуры позволил сформулировать концепцию четырехзвенного алгоритма ее становления: «базовая культура – субкультура – тюремная культура – тюремная субкультура». Данный алгоритм послужит исследователям в создании объяснительной модели уникальной российской тюремной субкультуры, порожденной базовой культурой, ее глубокими историческими основами социально-экономического и социально-политического свойства. Целью исследования является концептуализация феномена «тюремная субкультура», установление ее алгоритма становления и эволюции; выявление онтологического основания рос-

© Васильева К. К., Пономарев С. Б., Пономарев Д. С., Полищук В. Е., 2020



Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

сийской тюремной субкультуры; проведение различия между тюремной культурой и тюремной субкультурой; оценка тюремной субкультуры, характеризующей сущность ее современного состояния.

**Ключевые слова:** субкультура, тюремная субкультура, концепция четырехзвенного алгоритма «базовая культура – субкультура – тюремная культура – тюремная субкультура», парадоксальность тюремной субкультуры, самодостаточность тюремной субкультуры.

### Введение

Культура всякого общества как целостного организма в силу разных причин порождает так называемые субкультуры, которые являются «элементами системы культуры любого общества, как целостные образования внутри господствующей культуры, отличающиеся от последней своими ценностями и нормами, способами их создания, распространения и потребления» [1]. Субкультура отпочковывается от базовой культуры общества в отдельную относительно самостоятельную часть культуры. Относительность самостоятельного существования субкультуры обусловлена тем, что ее носители являются гражданами страны базовой культуры общества. Из факта гражданства следует совокупность последующих связей с базовой культурой. Таким образом, «культурный код субкультуры формируется в рамках более широкой системы» [2], в рамках культуры базовой. Более того, по мнению цитируемых авторов, культурный код базовой культуры определяет на перспективу целостность бытия субкультуры. Базовая культура по определению фундирует производные от нее разновидности субкультур.

Субкультур в конкретной базовой культуре общества может быть некоторое множество. Возникнув однажды, еще в зачаточной форме, конкретная субкультура продолжает движение в сторону саморазвития и достижения уровня тождества самой себе. Путь этого движения неоднозначен, продолжителен во времени, нередко ситуативный, вместе с тем он имеет определенную направленность и закономерность. Показателем или знаком достижения субкультурой уровня тождества самой себе является ее самооценка, самоидентификация как нечто принципиально отличное от другой культуры. Кроме самооценки, формируется и внешняя объективная оценка данной субкультуры. Наличием внешней оценки практически завершается процесс образования субкультуры. Более того, внешняя оценка, по сути, означает признание факта становления и существования субкультуры как предметно-практической реальности. Здесь важно подчеркнуть особую значимость внешней оценки. Субъектом внешней оценки является, прежде всего, государство, которое юридически, законодательно определяет место субкультуры и ее носителей в социально-общественной иерархии как государственного, так и гражданского устройства общества и соответственно в культуре общества. Достижение субкультурой уровня тождества самой себе предполагает освобождение ее от приставки «суб-» и замещение ее конкретным именем, звуковой комплекс которого отражает суть субкультуры. Таким образом, субкультура обретает, получает имя. В нашем случае это культура «тюремная», которая в отношении к базовой культуре общества является ее субкультурой особого рода, находящейся в отношении государственно-правового антагонизма к культуре базовой и соответственно формально юридически отторгнутая от последней. Тюремная культура не относится к культуре застывшей. Как и всякая культура, она имеет собственную структуру, составляющие которой не находятся в отношении тождества. Здесь в лучшем случае отношения однопорядковые, которые находятся в постоянном

движении, изменении. Тюремная культура постоянно изменяется, мимикрирует, обретает формы, соответствующие специфическим вкусам, пристрастиям и потребностям ее субъектов. Едва ли правомерно в отношении ее применять слова «совершенство», «развитие» и т. п., ибо они характеризуют движение по восходящей линии, то есть содержат положительную аксиологическую, морально-нравственную оценку какого-либо явления, что невозможно в отношении тюремной культуры. Вместе с тем тюремная культура не является гомогенной. В силу этого правомерно расширить (или уточнить) объем этого понятия, введя категории «объект» тюремной культуры (заключенный) и «субъект» тюремной культуры (персонал исправительных учреждений). Последний в силу своего статуса оказывает воздействие и влияние на заключенного, тем самым явно (деятельно, поведенчески) и неявно (по факту присутствия) организует жизнедеятельность заключенных в том или ином направлении. Так, Е. Клейменова выражает не бесспорное суждение о том, что при взаимодействии с тюремным социумом сотрудник уголовно-исполнительной системы вынужденно принимает на себя тюремную субкультуру, усваивает ее ценности, нормы и правила. Тюремная субкультура становится для него привычной культурной средой. Выходя из тюрьмы и попадая в иное культурное пространство, он фактически продолжает жить в соответствии с ранее усвоенными социокультурными нормами, смешивая их с теми, что уже существуют в общепринятой культуре [3, с. 32]. Факт негомогенности тюремной культуры требует методологически провести различие между тюремной культурой и тюремной субкультурой. Это тем более необходимо, поскольку в пенитенциарной исследовательской литературе нередко эти понятия взаимно заменяются. Безусловно, между ними есть зона совместного перекрытия, но они не тождественны и не однопорядковые. Внешне хаотичная тюремная культура со временем приобретает вид некой упорядоченности, создаваемой ее лидерами в результате направленной утонченно-рафинированной субординации заключенных. В конечном итоге внутри тюремной культуры образовывается тюремная субкультура. В свою очередь, и тюремная субкультура, однажды оформившись и функционируя, со временем также претерпевает изменения, проходя линию восходящую и линию нисходящую. В современных условиях «наблюдается... пока еще не столь явная, тенденция... тюремная субкультура в местах лишения свободы начинает деградировать» [3, с. 33]. Почему это происходит? Потому что, во-первых, произошло смягчение условий отбывания наказания, обусловленное реформированием общества, приведшее к повсеместному употреблению спиртных напитков осужденными; во-вторых, качественно изменился социальный состав спецконтингента исправительных учреждений; в-третьих, отсутствие работы и достойной заработной платы у большинства осужденных обуславливает отсутствие у них предметов первой необходимости и стимулирует переход к индивидуалистической модели поведения [4]. Отличие тюремной культуры от тюремной субкультуры заключается в их генезисе. Если тюремная культура задается внешними факторами по отношению к ее субъекту (заключенный), институционализируется государством юридически, организационно, пространственно, физически и т. д., то тюремная субкультура порождается самими заключенными. По мнению автора теории субкультур А. Козна, криминальная субкультура, возникнув однажды, оказывает постоянное противодействие общей культуре [5], поэтому конфликт между различными культурами и субкультурами представляет собой устойчивый криминогенный фактор [6].

#### **Тюремная субкультура и ее составляющие**

Отечественная пенитенциарная наука под тюремной субкультурой традиционно понимает «относительно устойчивую совокупность специально выработанных прин-

ципов, правил и стандартов поведения, которые разделяются, поддерживаются значительным числом осужденных, детерминируют их активность и определяют положение, а также степень влияния в среде ближайшего окружения (микросреде)» [3, с. 16]. Тюремную субкультуру определяют и как подсистему целостной системы культуры общества, представляющую собой совокупность образа жизни, норм, ценностей, ритуалов и культурных артефактов, выработанных лицами, отбывающими наказание в учреждениях пенитенциарной системы [2, с. 85; 8]. Тюремная субкультура «...характеризуется наличием у группы преступников особой структуры межличностных взаимоотношений, сложной системы неформальных норм (традиций, обычаев), регулирующих их поведение, жаргона, татуировок и других внешних атрибутов, а также особой шкалы ценностей и способов их достижения» [7]. Мнения российских исследователей о сущности тюремной субкультуры корреспондируют с мнениями зарубежных коллег, которые также определяют тюремную субкультуру как совокупность духовных и моральных ценностей, регламентирующих неофициальную жизнь осужденных в местах лишения свободы [9, 10]. М. Платек (M. Platek) отмечает, что «тюремная субкультура включает нормы, традиции, ритуалы, жаргон, жесты, принципиально отличные от тех, которые предполагают уголовно-исполнительное законодательство и внутренний распорядок тюрьмы» [11]. Следует особо подчеркнуть, что тюремная субкультура – это интернациональное явление и устойчивое мнение об общем кризисе пенитенциарной системы широко распространено именно в так называемых цивилизованных странах, где общество давно уже не может справиться с торжествующей системой неформальных норм, которая определяет отношения между осужденными [3].

### **Онтологические основания российской тюремной субкультуры**

Многие ученые признают факт уникальности российской тюремной субкультуры, а именно отсутствие в мире аналогов российской тюремной субкультуре. При условии верности данного утверждения необходим поиск ответа на вопрос: как стала возможной российская тюремная субкультура? Ответ, вероятно, можно найти в особенностях пути развития Российского государства и общества в историческом прошлом и современности. Эта задача является предметом отдельного самостоятельного исследования, которое потребует анализа огромного пласта исторических артефактов, свидетельствующих о довольно продолжительном историческом пути развития Российского государства и общества. Почему алгоритм эволюции тюремной субкультуры представлен нами как четырехзвенный? Или же поставим вопрос иначе: почему базовая культура включена в процесс становления тюремной субкультуры? На наш взгляд, ответ на этот вопрос позволит понять главное – природу российской тюремной субкультуры, то есть выявить объективные факторы и причины ее формирования. Почему стала возможной тюремная субкультура в России в таких масштабах и формах? Принято считать, что эволюция российской тюремной субкультуры окончательно оформилась и соответственно укрепила свои позиции в постперестроечный период (XX в.) истории России. «Создание класса собственников из числа воров и бандитов, теневых дельцов и казнокрадов, расхитителей и мошенников закономерно привело к росту преступности: общеуголовной, экономической, организованной» [7].

В пользу правомерности признания базовой культуры в качестве первого звена алгоритма становления и эволюции российской тюремной субкультуры свидетельствуют, в частности, очевидные, «лежащие на поверхности», незатейливые факты из народной жизни современной России. Мы имеем в виду распространение продуктов художественного, главным образом, песенного творчества из тюрьмы «на волю» и обратно. В пользу

народности продуктов художественного творчества говорит невероятная популярность в стране тюремного песенного жанра, который с некоторых пор организуется и транслируется на уровне государственном. Известно, если нечто признается народным, то оно по определению локализовано в базовой культуре. Данный феномен народности тюремного песенного творчества мы назвали возвратной цикличностью российской тюремной субкультуры. Временной показатель ее цикличности практически коррелирует с графиком роста и снижения криминального фактора в истории жизнедеятельности российского общества. Очень хотелось бы надеяться, что современный бум тюремного жанра в стране является «остаточным явлением импульса криминального тока», безвозвратно уходящего в прошлое, в историю.

### **Тюремная субкультура как парадоксальность и как социально-правовая проблема пенитенциарной науки**

Проблемой, стоящей перед уголовно-исполнительной системой, является устойчивое существование тюремной субкультуры – деструктивной неформальной нормативно-ценностной системы [12]. «В России, где имеет место влияние тюремной субкультуры, места лишения свободы интерпретируются как социальные пространства, способствующие повышению социального статуса и приобретению уникального опыта. Пребывание в местах лишения свободы не означает прерывание криминального опыта, а, напротив, способствует его расширению и трансформации в более важный – тюремный опыт» [13, 14]. По мнению французского мыслителя М. Фуко, тюремное сообщество организует обучение неопытных преступников «воровским» профессиям и превращает их в профессиональных преступников-рецидивистов. Тюремное заключение не снижает уровень преступности, не исправляет преступников. Существование в тюрьме – это в конечном счете привычный и удобный образ жизни арестантов, позволяющий им не заботиться о еде и жилище, о поисках работы и средств к существованию [15]. Мнению Фуко вторит Т. Матисен, пишущий о том, что «... в течение всей своей истории на практике тюрьма никогда не обеспечивала реабилитации, заключение никогда не приводило к возвращению людей в общество» [16]. «Обретая свое собственное, независимое существование, – пишет Е. Г. Клейменова, – тюремная субкультура распространяет свое влияние не только в рамках тюрьмы, но и за ее пределами» [3, с. 33]. Собственно тюремная субкультура и внешняя по отношению к ней организованная преступность, пребывающая вне мест лишения свободы, устанавливают прочные связи по поводу и на предмет их общих корыстных криминальных, прежде всего материальных, интересов. Подобные связи имели место и раньше. Однако применительно к современной российской криминальной действительности прослеживается явная динамика ее развития. Например, в лихие девяностые организованная преступность сделала своими опорными базами исправительные учреждения – так называемые черные зоны, где царит власть «профессиональных» преступников. Оттуда организуются бунты, реализуются разнообразные жульнические схемы, идут «воровские прогоны», здесь вырабатывается стратегия и тактика преступного мира [3]. Более того, современная тюремная субкультура демонстрирует признаки того, что она становится самодостаточным социальным организмом в рамках российского общества. Самодостаточность выражается в том, что она способна, во-первых, к самовоспроизводству себе подобных из числа заключенных через «школы» обучения преступному ремеслу в недрах самого пенитенциарного учреждения; во-вторых, к самофинансированию (общаки), то есть имеет способность к материальной самообеспеченности; в-третьих, к установлению связей с внешним миром и успешной трансляции вне тюремной среды своих ценностей, идеологии и норм поведения. И наконец, кри-

минальные субъекты тюремного социального пространства и субъекты организованной преступности, находящиеся вне мест заключения, устанавливают эффективную и деятельную взаимную связь. Становление самодостаточности тюремной субкультуры демонстрирует парадоксальность уголовно-исполнительной системы, суть которой заключается в следующем: во-первых, объект (заключенный), долженствующий быть надзираемым и подконтрольным УИС, в действительности обретает элементы независимого автономного в отношении к УИС существования; во-вторых, вместо исправления и ресоциализации заключенного, последний повышает, следовательно, совершенствует и усиливает свои криминальные способности и мастерство. Таким образом, тюремная субкультура не только противостоит государству, формально отрицая положения ст. 43 УК РФ о том, что «...наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений», но и направленно профессионально генерирует преступность в самих недрах мест лишения свободы.

В парадоксальности тюремной субкультуры концентрированно проявляется противоречие между должным и сущим и для отдельного индивида. «Должное» – это абстрактное понятие, обнимающее область вообще всех требований, предъявляемых к людям в форме норм. Если долг как проявление морального сознания, вытекающего из нравственного закона, есть, по выражению И. Канта, самопринуждение, то в условиях тюремной среды долг становится принуждением. Известно, что существование человека в условиях тюремной изоляции характеризуется принудительным равенством. Личность при этом словно лишается социального статуса, теряет свое место в «традиционной» социальной иерархии, выносится «за рамки» существующего общества. При этом уголовно-исполнительная система ни для кого не делает исключений, предусматривает одинаковое обращение со всеми, стирает грани между представителями различных социальных групп [17]. Парадоксальность данной ситуации для заключенного состоит в том, что осужденный за несоблюдение должного – общепринятых нравственных норм – попадает в принципиально иную среду – тюремную, которая тоже имеет свою шкалу «должного и сущего». Однако эта шкала противоположна общепринятым нравственным нормам человеческого сообщества. Здесь нормы должного соответствуют тому уровню исповедника должного, который, как правило, лишен человеческого в человеческом.

### **Выводы**

Создана и обоснована философская концепция четырехзвенного алгоритма становления и эволюции российской тюремной субкультуры. Становление российской тюремной субкультуры претерпевает определенную метаморфозу в виде последовательности следующих форм социальной организации: «базовая культура – субкультура – тюремная культура – тюремная субкультура». Проведено различие тюремной культуры и тюремной субкультуры. Отличие тюремной культуры от тюремной субкультуры заключается прежде всего в их генезисе. Тюремная культура задается внешними по отношению к ней факторами. Она институционализируется государством юридически, организационно, пространственно, физически и т. д. Тюремная субкультура зарождается как результат самоорганизации ее субъектов, порождается самими заключенными. Артикулирована парадоксальность уголовно-исполнительной системы, заключающаяся в особой роли и месте тюремной субкультуры в социальном пространстве тюрьмы, а также вне мест лишения свободы. Сущность парадоксальности выражается в нарастании относительной самодостаточности и автономности тюремной субкультуры в системе общественных отношений по отношению к персоналу УИС и не только. Онтологиче-

ским основанием российской тюремной культуры является базовая культура. Внешний по отношению к тюрьмам способ бытия российской культуры и общества, уровень социально-экономического, социально-политического развития страны не соответствуют опережающему темпу либерализации правовых норм в отношении к осужденным и соответственно либерализации уголовно-исправительной системы в целом. В статье введены понятие «четырёхзвенный алгоритм становления и эволюции тюремной субкультуры: базовая культура – субкультура – тюремная культура – тюремная субкультура»; термины «возвратная цикличность» тюремной субкультуры», «парадоксальность тюремной субкультуры», «парадоксальность УИС», «относительная самодостаточность тюремной субкультуры».

### Библиографический список

1. Шендрик А. И. Субкультура // Социологическая энциклопедия : в 2 т. М. : Нац. общ.-науч. фонд, 2003. Т. 2. 861 с.
2. Лысак И. В., Черкасова Ю. Ю. Методологические проблемы исследования тюремной субкультуры // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2008. № 5. С. 81–85.
3. Пономарев С. Б. Криминальная субкультура с позиции этологии человека и теории систем : монография. Ижевск : Ижевск. гос. техн. ун-т им. М. Т. Калашникова, 2017. 144 с.
4. Тулегенов В. В. Криминальная субкультура и ее криминологическое значение : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2003. 228 с.
5. Cohen, A. 1955, *Delinquent boys: The culture of the gang*, Free Press, N. Y.
6. Sellin, T. 1938, *Culture Conflict and Crime*, Social Science Research Council, N. Y.
7. Клейменов М. П. Криминология : учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. 4-е изд., перераб. и доп. М. : НОРМА, 2009. 448 с.
8. Ханипов Р. А. Укорененность тюремных и криминальных практик в культуре современного российского общества // Мир России. 2008. № 3. С. 132–148.
9. Piacentini, L. & Pallot, J. 2014, “In Exile Imprisonment” in Russia’, *Br J Criminol*, iss. 1(54), pp. 20–37.
10. Piacentini, L. & Slade, G. 2015, ‘Architecture and attachment: Carceral collectivism and the problem of prison reform in Russia and Georgia’, *Theoretical Criminology*, iss. 2(19), pp. 179–197.
11. Platek, M. 1990, ‘Prison subculture in Poland’, *International Journal of Sociology of Law*, vol. 18, iss. 4, pp. 459–460.
12. Пирожков В. Ф. Криминальная субкультура: психологическая интерпретация функции, содержания, атрибутики // Психологический журнал. 1994. Т. 15, № 2. С. 38–51.
13. Тищенко Н. В. Тюремная субкультура: понятие, характеристика, особенности // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2013. № 2(70). С. 229–233.
14. Иванова А. А. Криминальная культура как детерминант преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2017. № 4. С. 671–681.
15. Foucault, M. 1975, *Surveiller et punir: Naissance de la prison*, Gallimard, Paris.
16. Mathiesen, T. 1990, *Prison on Trial: A Critical Assessment*, London.
17. Половникова А. А., Пономарев С. Б., Тоцкий С. И., Чубаров А. Л. Синдром тюремной социальной депривации в молодом возрасте. Екатеринбург : Урал. отд-е РАН, 2008. 148 с.